Николай Ходов
Денис Буточников

Рассказы

Художник Елена Дагоднова

Смельчаки

Было это, когда я ещё учился в школе, классе в седьмом. И история-то вроде пустячная, но врезалась она мне в память на всю жизнь, потому что до сих пор как вспоминаю, так мороз по коже пробирает...

Жил я тогда с родителями в небольшом городке, недалеко от Москвы. На дворе стоял конец декабря, дело шло к зимним каникулам и Новогодним праздникам. Настроение у всех, само собой, было приподнятое, и учиться становилось лень. Впереди маячили выходные, а ещё через два-три дня уже и каникулы, со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. И вот в такой замечательный день на перемене между пацанами совершенно случайно возник спор. Кто-то кого-то обвинил в трусости, а этот кто-то не согласился с этим утверждением и понеслось... Шум, как водится, стоял на весь коридор, и очень скоро в спор оказались вовлечены не только ребята из нашего класса, но ещё и добрая половина школы, не считая малышей, которые ещё не доросли до таких серьёзных дел, и старшеклассников, у которых были дела поважнее, чем выяснять кто из нас трус, а кто нет.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не звонок. Он прервал словесные баталии, грозящие перерасти в физическое противостояние, и разогнал всех по своим урокам. В классах мы ещё для порядка пошумели, но настрой уже, сами понимаете, был не тот, потому что, хоть дело и шло к каникулам, учителя по-прежнему оставались строгими и требовательными к дисциплине. Урок охладил страсти спорщиков, и, когда после звонка все вновь встретились в коридоре, на смену пустому сотрясанию воздуха и взаимным оскорблениям пришло простое как мир и конструктивное решение. Для того чтобы снять с себя все обвинения в трусости, надо было совершить что-то такое, что могло претендовать на очень смелый поступок в высшей степени волевых и мужественных людей. Идея поступка тоже родилась очень быстро – кто-то предложил отправиться ночью на заброшенный молокозавод.

Этот завод построили ещё до войны. Он перерабатывал молоко и выпускал различную молочную продукцию. Но потом его оборудование устарело, да и мощности стало явно недостаточно, и где-то недалеко возвели новый молочный комбинат, а старый оказался нерентабельным, и его закрыли. Сначала были идеи переоборудовать корпуса старого молокозавода подо что-то ещё, но подо что – никто не знал. Время шло, а решение не принималось. Брошенные строения постепенно разрушались, и с каждым годом их ценность становилась всё меньше. В конце концов, завод превратился в отдельные полуразрушенные строения и постепенно оброс различными жуткими историями и легендами, которых в городе ходило предостаточно. Вот на этот завод и было предложено сходить тем, кто не считал себя трусом.

Идти решили вечером, потому что в конце декабря в восемь-девять вечера всё равно, что ночью, а отпрашиваться на ночь и что-то врать родителям, чтобы

отпустили, было значительно труднее. Я тоже не хотел, чтобы меня считали трусом, и решил пойти. Родителям я сказал, что иду к другу. А так поздно, потому что его мамы нет дома, и она не хочет, чтобы мы были в квартире одни без неё, поэтому я должен дождаться, пока она не вернётся с работы. Такой веский аргумент подействовал безотказно, и меня отпустили. Что врали остальные – не знаю, но в итоге нас набралось довольно много. Правда, большая часть никуда идти не собиралась и пришла просто поглазеть на это мероприятие, но были и такие, кто серьёзно настроился доказать свою смелость.

Собирались на конечной остановке автобуса, где он делал круг и уезжал обратно в город. Когда все, кто хотел, пришли, а остальных ждать уже не имело смысла, было принято решение трогаться в путь. И сразу наша толпа разделилась на две части. Большую, которая осталась на остановке и намеревалась вернуться в город, и меньшую, готовую отправиться в неизвестность. Те, кто собирался вернуться, объявили, что они присутствовали только в роли наблюдателей и судей и свою роль выполнили: зафиксировали тех, кто пришёл и отравляется в эту опасную экспедицию. А уж дальше мы должны действовать сами. И сами рассказать потом в школе, кто как себя вёл и кто трус, а кто нет. Выбор перед нами, действительно, стоял очень сложный: по одну сторону тёплые, приветливые городские огни, по другую – тёмное шоссе, уходящее в ночь... В результате нас, смельчаков, набралось человек пятнадцать, и мы тронулись в путь.

Хорошо рассуждать о своей смелости в светлом классе за партой или в коридоре, где полно народу, а здесь, на пустынной остановке и полутёмном шоссе, вокруг которого вставал дремучий лес, настроение резко менялось. Мы шли гуськом, не разговаривая, поминутно оглядываясь назад, где всё дальше и дальше оставались уютные городские огоньки и товарищи, махавшие нам с автобусной остановки. Машины по шоссе не ездили, потому что оно вело в отдалённую деревню и ехать куда-то на ночь глядя желающих не было. Поэтому впереди были лишь редкие фонари, чернота ночи, холодный зимний ветер и неизвестность, которая втягивала нас в себя, как воронка. Отойдя от города примерно с полкилометра, мы достигли последней точки цивилизации – бензозаправки. Дальше вдоль шоссе не было даже фонарей, и дорога от этого становилась ещё страшней, потому что лес подступал к ней почти вплотную. Здесь несколько человек из нашей группы, не выдержав испытания, повернули назад. Кто-то вспомнил, что у него дома есть важные дела, а кто-то честно признался, что лучше быть трусом, чем покойником. Мы с грустью посмотрели вслед удаляющимся фигурам, которые почти бегом припустили назад и уже через несколько минут окажутся во власти света и тепла. Чем меньше нас оставалось, тем страшнее было продолжать путь дальше.

Ветер дул несильный и даже не холодный, но он гулял по лесу, как-то странно подвывая и порождая непонятные звуки, которыми наполнялась зимняя ночь.

Облака рассеялись, и на небе открылась огромная белая луна. Она заливала снег своим светом, отчего сугробы приобретали мертвенно-бледный оттенок с резкими чёрными тенями. И каждый раз было непонятно, что это: тень или что-то другое, притаившееся впереди. Шоссе делало плавный поворот, и уже давно за ним скрылись и город, и бензозаправочная станция. Мы оказались одни посреди ночи и леса, окружённые тьмой и страхом.

– Говорят, там, в подвалах, какой-то маньяк скрывается... – прошептал кто-то из моих одноклассников.

– До этих подвалов ещё дойти надо, – отозвался другой, – по этому лесу тоже нечисти всякой бродит предостаточно...

Вдруг идущие впереди остановились и стали пристально вглядываться вдаль.

– Что там?

– Да вон, смотрите: на обочине стоит кто-то...

– Вроде собака...

– Да не собака – волк! Видишь, как уши навострил.

– Волки стаей охотятся... значит, остальные нас по лесу и сзади окружают...

Группа попятилась назад.

– Да нет, какой сейчас волк в подмосковном-то лесу... Это собака...

– Да, я слышал, что здесь по лесу полно диких собак бродит...

– Они, небось, голодные и опасные... такие собаки пострашнее волков будут...

Группа опять сделала несколько шагов назад.

– А что она не шевелится?

– Боится нас спугнуть. Ишь, притаилась. Думает, мы её не видим.

– Надо в неё бросить что-нибудь.

– Не надо. Ещё хуже разозлишь!

– Да нет, говорят, если собаке не показать своего страха, действовать смело и решительно, они не нападают.

Кто-то из нас подобрал с земли снежный комок и швырнул его в собаку. Та даже не пошевелилась.

– Во, даёт!

– А может это не собака?

– А кто?

– Да оборотень какой-нибудь...

Мы стали пристально вглядываться в ночь. Кто-то опять чем-то бросил в собаку.

– Слушайте, а, по-моему, это просто тень...

– Тень?

– Ну да, тень...

Мы переглянулись, некоторое время постояли и неуверенно пошли вперёд, готовые в любую секунду броситься на попятный. Но это действительно оказался корявый куст, торчащий из-под снега, заретушированный ночью и причудливыми тенями.

Мы продвигались дальше, и с каждым шагом становилось всё страшнее. Лес отступил от дороги, но от этого легче не стало, потому что наша группа стала хорошо заметна издалека, и это вселяло дополнительный страх. На открытых пространствах чистый снег искрился в лунном свете, и было непонятно: то ли это снег, то ли чьи-то глаза смотрят на нас из темноты. Каждую секунду ожидая нападения, мы едва продвигались вперёд. Никому не хотелось идти первому. И передние постоянно останавливались, чтобы пропустить идущих сзади, а задние не хотели становиться передними и тоже останавливались. И часто мы довольно долго так стояли, пропуская друг друга и толкаясь на одном месте…

В конце концов наша группа дошла до того места, где шоссе делало крутой поворот влево, а вправо отходила дорога на молокозавод. Сейчас эта дорога оказалась полностью завалена снегом, и перед нами лежало небольшое снежное поле, окаймлённое редким лесом. Вот за этим-то лесом и угадывались строения молокозавода. Ветер усилился, и временами из-за леса до нас долетал какой-то странный гул, а иногда там что-то потрескивало, постанывало и подвывало. Кому-то из нас показалось, что между деревьями по ту сторону поляны бродит одинокий огонёк, происхождение которого было неясно…

– Ну, что? – спросил кто-то.

– Что… пришли.

– Как дальше пойдём?

– Как? Прямо так по полю и пойдём. Вон он за деревьями этот молокозавод…

– Кто первый?

– Да какая разница, кто?

– Ну, раз тебе без разницы, то ты и иди…

– А чего я-то сразу? Пойдём все вместе!

– Пойдём вместе, – согласился кто-то, но все остались стоять, не шелохнувшись.

Так, шёпотом переговариваясь и ругаясь, мы простояли довольно долго. Наверное, я бы замёрз, но страх так клокотал во мне, что холода я не чувствовал. Несколько раз, когда в лесу что-то ухало, я в ужасе приседал на корточки и не побежал назад только потому, что бежать назад одному было не менее страшно, чем стоять здесь всем вместе. Решили бросить жребий, кому идти первому. Но даже после этого те, кому выпало быть первыми, не сдвинулись с места. Их долго уговаривали, ругали, убеждали, стыдили, позорили, но они отговаривались и продолжали стоять, как вкопанные. И тут мне в голову пришла шальная мысль, за которую я неоднократно проклинал себя в дальнейшем. Решив, что все настолько напуганы, что всё равно не двинутся дальше и даже не будут этого стыдиться, поскольку оказались в равном положении, я решил разыграть из себя храбреца. Смело шагнув вперёд на снежную целину, я громко сказал:

– Ну, хорошо, я пойду! Кто со мной?

Расчёт был очень прост. Дураков, кроме меня, больше не найдётся. И тогда я

скажу: «Ну, один я тоже не пойду. Что мне там одному делать». Или, в крайнем случае, (если уж совсем расхрабрюсь), дойду до ближайших кустов, отсижусь там, не выпуская ребят из поля зрения, а потом выйду к ним и скажу: «Да ерунда этот молокозавод! Ну, походил я там, ничего страшного нет! Только из подвалов кто-то повыл немного, но я прошёл мимо и всё». Зато после такого поступка я уж наверняка буду считаться самым смелым в школе. Да что там – в школе! Во всём городе! Но случилось непредвиденное: один из моих друзей, некто Алик (их два брата было – Алик и Славик), тоже шагнул ко мне и тоже сказал:

– Тогда и я пойду!

Я чуть в сугроб от неожиданности не сел. Ничего себе, разворот – все карты мне спутал! Но потом подумал: ладно, ничего страшного – вместе в кустах пересидим. Вдвоём оно даже и не так страшно. Но в этот момент к нам шагнул и Славик.

– Я брата одного не оставлю! – заявил он и громко шмыгнул носом.

Вот это уже совсем не входило в мои планы! И пока я прикидывал, что можно сделать в такой ситуации и получится ли уговорить братьев тихо посидеть в кустах, а потом молчать об этом, к нам шагнула Маринка (я уже давно замечал, что где Славик, там и она).

– Ну что ж, тогда и я пойду, – спокойно сказала она и встала рядом с нами.

Это был провал. Четыре человека – это уже целая группа! Две парты в классе! Их незаметно в кусты не спрячешь и молчать не заставишь! Я тут же стал думать, как бы мне переметнуться обратно, но к нам присоединилось ещё несколько ребят (видимо, задетые нашей решимостью), и на дороге осталось почти столько же, сколько решило пойти. И я, если честно, никак не мог сообразить, где мне будет безопасней: в этой группе или в той. Пока я хлопал глазами и думал, что предпринять, Маринка, развернувшись, пошла в сторону молокозавода.

– Пойдёмте скорее, раз уж решили, а то меня дома хватятся!

Славик направился за ней. Алик тоже потянулся за братом. В такой ситуации оставаться было очень стыдно, и я тоже пристроился за ними. Всего нас набралось человек шесть-семь, и примерно столько же осталось стоять на дороге, так и не решившись на последний шаг. Мы пересекли поляну, зашли в лесок и оглянулись. На дороге толпилась небольшая кучка ребят, выглядевшая отсюда очень одиноко.

– Зря мы разделились! – сказал Алик. – Все беды начинаются с разделения. Если уж мы дошли досюда вместе, так и на завод надо было вместе идти.

Ему никто не ответил. Ситуация не располагала к разговорам. Перед нами открывались строения молокозавода. Его территория когда-то огораживалась высоким забором, теперь сильно разрушенным. Прямо перед нами возвышались ворота (вернее то, что от них осталось), а в их проём виднелось здание гаража, трёхэтажное здание заводоуправления и полуразрушенный

корпус одного из цехов. Посредине завода раскинулась большая площадка, где когда-то стояли машины, привозившие молоко или забиравшие готовую продукцию. Ветер выл в выбитых окнах и носился по пустым комнатам и помещениям, подвывая и хлопая чем-то. Картина была унылая и жутковатая…

Мы в нерешительности стояли перед воротами.

– Вы как хотите, а я подстрахуюсь, – сказал Алик и направился к куче металлолома, наваленной у забора. – Бережённого, как говорится, Бог бережёт…

С этими словами он выковырял из-под снега какую-то железку. Мне показалось это весьма разумным, и, утопая по колено в снегу, я последовал его примеру, облюбовав ржавую трубу, уродливо торчавшую из-под снега. Вооружившись кто чем смог, мы двинулись дальше.

Ближе всего к нам находился гараж – длинное одноэтажное строение, в обоих концах которого находились огромные ворота, соединённые широким проездом. Раньше справа и слева от него стояли машины, а сейчас вместо них осталось лишь несколько покорёженных металлических остовов, в которых смутно угадывались бывшие молоковозки и какая-то другая техника. Только у дальних ворот стоял более-менее целый автомобиль, правда без колёс. Но его кабина и цистерна с надписью «Молоко» сохранились весьма неплохо.

Снега в гараже почти не было, потому что небольшого размера окна хоть и лишились своих стёкол, но располагались под самым потолком, и крыша, сложенная из железобетонных плит, тоже оказалась целой. Поэтому лишь в нескольких местах ветер намёл длинные невысокие сугробы на бетонном полу, но они нисколько не мешали нам ходить. Мы продвигались по центру гаража, озираясь по сторонам. Каждое наше движение отдавалось гулким эхом, и мы поминутно вздрагивали от этих громких и неожиданных звуков. Яркий лунный свет проникал с улицы через распахнутые ворота, но к середине гаража становилось совершенно темно. На том его конце ворота оказались закрыты, и в них светился лишь небольшой проём, в котором когда-то была дверь для входа и выхода. Вот из этой двери и падал свет на сиротливую автоцистерну с доброй, весёлой надписью «Молоко» синими буквами на жёлтом боку.

– Вот так, ездили машины, ездили… сколько тон молока за свою жизнь перевезли, а теперь стоят брошенные и никому не нужные… – воздохнула Маринка.

– Да разве это машины? – откликнулся Алик. – Это уже металлолом.

– Вот это-то и обидно, – поддержал я Маринку, – не заслужили они такого конца!

В этот момент кто-то из ребят воскликнул:

– Смотрите, что я нашёл!

Мы бросились к нему. Рядом с небольшим слесарным верстаком, у стены, стоял здоровый ящик, доверху наполненный старыми ржавыми болтами.

– Зачем они тебе? – спросил я.

– Как зачем!? Такой болт, если кинуть, не хуже гранаты будет! Пусть ко мне только сунутся эти маньяки!

Мы начали набирать себе болты и рассовывать их по карманам. Болты были тяжёлые, ржавые, грязные, но нас тогда это нисколько не смущало.

– Давай, давай, ребята, вооружайся, – подбодрил всех Алик, – теперь пусть только сунутся!

Набив полные карманы и варежки болтами, мы тронулись дальше. Пройдя гараж насквозь, наша группа выбралась на улицу. Над нами в чёрном бездонном небе висела яркая полная луна, освещая своим призрачным светом всё вокруг. Напротив гаража стояло здание заводоуправления, чуть правее располагался вход в подземное хранилище, где когда-то, как в погребе, хранилось молоко и производимые из него продукты. Поскольку лезть в сырые тёмные подвалы, в которых по рассказам и хоронилась всякая нечисть, было безумно страшно, мы решили ограничиться зданием заводоуправления.

– Слушай, – спросил меня Алик, – а вот те, которые там, в подвалах прячутся, они могут выйти на поверхность?

– Думаю, что могут... Чего же им не выйти-то... – неуверенно отозвался я.

– А кто там прячется? – спросила Маринка.

Мы с Аликом переглянулись, поскольку никто из нас не знал, кто именно там прячется.

– Кто-кто! Тёмные силы! – пришёл к нам на выручку Славик. – Во как!

– Ага! Тёмные силы! – подтвердил я и быстро отошёл в сторону, чтобы не нарваться на очередной вопрос.

Мы вошли в заводоуправление – небольшое трёхэтажное здание с одним подъездом, узкими коридорчиками и множеством кабинетов. Оконных рам и дверей в нём практически нигде не осталось, а если где они и сохранились, то были либо сорваны с петель, либо распахнуты настежь, так что ветер свободно продувал сквозняком всё здание, гуляя по комнатам, коридорам и лестницам, наметая кое-где целые сугробы снега. Мебели тоже практически никакой не сохранилось. Лишь в отдельных местах стояли колченогие письменные столы, валялись перевёрнутые сломанные стулья, продавленные кресла и разбитые шкафы для бумаг с распахнутыми дверцами. Иногда сильный порыв ветра проносился по пустым помещениям, и дверцы шкафов, раскачиваясь, издавали тихий скрип, похожий на стон. Кругом царил развал, бардак и запустение. Мы прошли по всем этажам, заглядывая в каждый кабинет. На последнем, третьем этаже небольшая металлическая лестница вела на крышу. Люка и никаких построек над его оголовьем уже не было, поэтому прямо с лестничной площадки виднелся тёмный квадрат звёздного неба с яркой луной, а под нашими ногами и на ступеньках лестницы белел чистый снег.

– Ну, что, на крышу полезем? – спросил кто-то.

– А что там делать? – отозвалась Маринка. – Пойдёмте лучше отсюда.

Мы согласились и повернули обратно. Проходя площадку второго этажа, я впотьмах свернул куда-то не туда и поскольку шёл первым (уж очень хотелось поскорее выбраться наружу), то всю группу завёл в какой-то узкий и тёмный коридор.

– Подождите, что-то мы, по-моему, не туда зашли, – прошептал Алик.

– Да, вроде не туда... – согласился я.

– Ещё не хватало заблудиться здесь! – воскликнула Маринка. – Вот мы – дураки, хоть бы фонарик догадались с собой взять!

Потолкавшись в темноте, мы повернули обратно и кое-как выбрались на лестничную площадку.

– Слава Богу, – выдохнул Славик, – я чуть не умер там со страху!

Я был полностью с ним согласен и даже хотел поддержать его в этом, но тут откуда-то сверху до нас совершенно явственно долетел звук чьих-то шагов. От страха я шарахнулся обратно в темноту. Остальные последовали за мной.

– Что это? – еле выдавила из себя Маринка. – Ведь мы только что оттуда пришли, там никого не было...

– Тикать надо отсюда скорее! – нашёлся Славик.

Мы бросились к выходу. Возле самых дверей на улицу кто-то из ребят остановился:

– Нельзя сюда! Они нас на этом открытом поле враз заметят! Давайте лучше из задних окон вылезем, а там и до забора рукой подать!

Это решение показалось нам очень здравым, потому что на открытой площадке между заводоуправлением и гаражом мы оказались бы видны, как на ладони. Я уже собирался ломануться назад, к спасительным окнам первого этажа, как сверху послышались гулкие шаги и хруст битого стекла под чьими-то тяжёлыми ногами.

– Вниз, в подвал! – скомандовала Маринка и исчезла где-то в темноте.

Только сейчас я увидел, что в подъезде заводоуправления, кроме лестницы, ведущей на этажи, была ещё одна, ведущая вниз, в подвал. Раньше я ни за какие коврижки не полез бы туда, но сейчас тёмный подвал мне казался более надёжным местом, чем залитая лунным светом открытая площадка перед зданием. И я вместе с остальными поспешил в темноту. Ударившись головой и плечом обо что-то твёрдое, я судорожно начал шарить руками по голым бетонным стенам, в надежде найти чего-нибудь такое, где можно было спрятаться. Но ничего не находил, а шаги слышались уже совсем близко. Я замер, боясь пошевелиться, и даже перестал дышать от страха. Мои друзья чувствовали себя, по-видимому, также. Шаги затихли совсем недалеко от нас, где-то наверху, в подъезде, у самого входа в подвал. Немного потоптались и пошли куда-то дальше... Через некоторое время я отклеился от стены.

– Видели? – прошептал кто-то из темноты, – это он, Памятник! Его сюда из городского парка привезли и бросили, а он теперь бродит здесь по ночам. Слышали, как он своими каменными ножищами бухает?!

– Только не каменными, а медными, – поправил Алик, – не хотел бы я с ним ночью на этой лестнице встретиться!

– Я бы тоже не хотел, – поддержал его Славик, – давайте выбираться отсюда скорее!

Мы потихоньку направились к выходу, но, как только выбрались назад в подъезд и повернули в сторону окон, остановились как вкопанные. Прямо на нас из темноты смотрел яркий, немигающий глаз. Не помню, закричал ли я тогда от страха или предался ему молча, помню только, что в один прыжок выскочил через дверь и, оказавшись на улице, стремглав бросился бежать через открытую площадку к гаражу. Ребята последовали за мной. Я бежал так быстро, что практически не проваливался в снег и лишь у самых ворот гаража я остановился, чтобы перевести дух, и случайно оглянулся. То, что я увидел, мне запомнилось на всю жизнь! На крыше заводоуправления стояли три высокие худые фигуры с длинными, до колен руками и смотрели на нас. Их силуэты отчётливо выделялись на фоне лунного неба, а чёрные тени падали на снег и тянулись прямо к нам. Я вскрикнул и юркнул в гараж. Пробежав его насквозь со скоростью света, мы выскочили с другой стороны и мимо ворот и знакомой кучи металлолома через лесок и поляну устремились к дороге, где оставили своих друзей. Болты в карманах больно били по ногам и мешали бежать, а ржавая труба цеплялась за кусты, но я даже и не думал бросить её. Я хотел одного: быстрее добраться до спасительной дороги.

Вылетев на дрогу, как табун диких лошадей, мы резко остановились. Наших друзей не было. А на том месте, где мы расстались, весь снег оказался перерыт и притоптан: здесь явно шла отчаянная борьба. В стороне, в снегу валялась красная рукавичка – такие я видел на одном из ребят.

– Да, дела, – выдавила из себя Маринка. – Значит, они расправились здесь, а потом пошли за нами.

– Да, они не глупые, – поддержал её кто-то из ребят, – за нами чего гоняться: мы сами в их логово полезли, поэтому они и начали с тех, кто на дороге остался.

Мы стояли, не зная, что делать.

– Надо наших выручать, – предложил Алик.

– Так, может, там уже и выручать некого, – неуверенно предположил я.

– Может и некого, – согласилась Маринка, – так тогда хоть отомстим!

С таким веским аргументом, конечно, не поспоришь, и мы, потоптавшись немного в нерешительности, направились обратно. Было очень страшно, но желание выручить товарищей придавало нам силы. Я радовался в душе, что не выбросил со страха свою трубу и болты. Теперь они добавляли мне воинственности и уверенности в себе. Да, похоже, и остальные чувствовали себя так же.

Никакого особенного плана действий у нас не существовало. Поэтому, дойдя до ворот завода, мы остановились, осмотрелись и тихонечко пробрались в гараж. Внутри всё оставалось по-прежнему.

– Плохо, что у нас фонарика нет, – прошептал Славик.

– Ничего, мы и без фонарика им фонарей навешаем, – успокоил его кто-то из ребят. – Давайте осмотрим здесь всё и пойдём дальше.

Пройдя через гараж, мы не увидели ничего нового. И когда уже хотели выбираться на улицу, на ярком фоне распахнутых ворот выросло несколько страшных силуэтов, отдалённо напоминающих человеческие. Существа стояли в противоположном конце здания, там, где мы заходили, и, видимо, раздумывали, стоит ли идти внутрь. Поколебавшись немного, они стали двигаться в нашем направлении. На фоне луны мы их видели хорошо, а вот они нас, пожалуй, нет. Ребята стояли, боясь пошевелиться, и как загипнотизированные следили за фигурами. Первая очнулась от оцепенения Маринка.

– Прячьтесь скорее, – нашлась она, и мы бросились врассыпную.

Слух у этих тварей да и зрение, похоже, были очень хорошие, потому что они заметили наше движение, остановились и быстро растянулись в цепь. Расстояние между нами сокращалось.

Я стоял в нише старого электрического шкафа, где когда-то проходили провода и располагались рубильники. Сейчас ничего этого уже не было, а тонкая металлическая дверка хоть чуть-чуть, но прикрывала меня. Напряжение с каждой секундой возрастало, я вжимался как можно дальше в свою нишу и даже не представлял себе, что буду делать, если меня обнаружат.

Одна из фигур подошла ко мне совсем близко, так что я легко мог дотянуться до неё рукой. В зыбком лунном свете я чётко видел её чёрную клочковатую шерсть, от которой исходил дурной запах мокрой шкуры. Человекообразная фигура продвинулась чуть вперёд и провела своими длинными тонкими когтями по металлической дверце моего убежища. Вдруг раздался невообразимый грохот. Мне показалось, что крыша гаража рушится на голову. Где-то справа что-то взорвалось и меня обдало пылью. Видимо, фигура не ожидала такого

поворота событий и не знала, как на это реагировать. Зато я хорошо знал, что надо делать. Воспользовавшись её замешательством, я, выскочив из своего убежища, со всей силы ударил её дверцей шкафа, свалив с ног, и, пока она не успела пустить в ход свои длинные страшные когти, постарался огреть трубой. Но длинная и неудобная труба зацепилась за что-то в темноте, и удара не получилось. Зато вместо этого сверху посыпалась штукатурка, какие-то пустые банки и небольшая деревянная полка, которую я случайно сшиб. Воспользовавшись этой ситуацией, я отскочил в сторону и веером выпустил из варежки первую партию болтов в самую гущу копошащихся фигур. Болты, как шрапнель, ударили по стенам и металлическим частям старых машин, разлетаясь во все стороны. По зданию прокатился глухой грохот. Даже меня обдало цементной пылью, не говоря уже об остальных. Тут краем глаза я увидел, как одна из фигур пытается спрятаться за автоцистерной, и, чтобы не дать ей уйти, швырнул туда вдогонку свою трубу. Та практически достигла цели и с таким грохотом ударила по пустой цистерне, что эхо прокатилось по всему гаражу и окружающему молокозавод лесу.

Сражение явно складывалось в нашу пользу. Я уже хотел издать могучий воинственный клич, провозглашающий победу над врагом, и тем самым подбодрить моих товарищей, как у меня перед глазами что-то вспыхнуло и посыпались разноцветные искры...

Когда я пришёл в себя, надо мной склонилась Маринка.

– Где они? – прошептал я.

– Отступили, – ответила она, – здорово ты их. Да и Алик молодец, это он всё начал.

– Хорошо, что с ними Памятника не было. А то с ним бы мы точно не справились, – промямлил я, потирая свою голову.

Откуда-то сбоку появился Славик.

– Надо уходить пока не поздно, – предложил он, – а то они сейчас опять полезут.

Мы согласились с ним, как вдруг я увидел, что к нам из-под цистерны тянется жуткая металлическая рука, явно собираясь схватить Маринку. Она вытянулась метра на два и зависла в воздухе, перебирая в темноте механическими пальцами и примеряясь к последнему броску. Славик тоже заметил руку и, прыгнув как кошка, вцепился в неё. Я бросился на помощь своему товарищу, к нам присоединилась и Маринка. Общими усилиями мы вырвали стальную руку и с грохотом повалили её на цементный пол. И только тут я признал в ней свою родную железяку, к которой прицепился кусок провода в металлической оплётке.

– Стойте, подождите, это же моя труба! – воскликнул я удивлённо.

Мы переглянулись.

Схватив её, я бросился за автоцистерну: там на полу, сжавшись в комочек, лежал Олег – один из ребят, оставшихся на дороге.

– Ты как здесь?! – удивились мы.

– Как? Вас пошли выручать! – ответил он, поднимаясь на ноги и оглядываясь.

– А это кстати! Ты знаешь, что здесь творится?

– Да уж знаю, на себе испытал! – и Олег словно от холода передёрнул плечами.

– А остальные где? – спросила Маринка. – Все живы?

– Не знаю, где-то здесь, а уж живы или нет... Я ещё видел Мишку, он там был, – и Олег неопределённо махнул рукой в сторону.

Мы бросились искать в указанном направлении и очень скоро нашли нашего одноклассника Мишу (он тоже был из числа тех, кто остался на дороге). Ситуация начала налаживаться. Теперь в нашем полку значительно прибыло. Мы обменялись первыми впечатлениями. Оказывается, наши друзья не встречались с Памятником, зато познакомились с карликами из подвалов и даже видели живые тени на стенах и слышали их душераздирающие вопли. Мне только не давал покоя знакомый запах мокрой шерсти, который, похоже, уже начал преследовать меня. Я стал принюхиваться, пытаясь отыскать в темноте своего недобитого врага, и тут заметил шубу на Мишке. Подойдя к нему ближе, я принюхался.

– Чем это от тебя пахнет? – спросил я.

– Да это моя шуба дурацкая, – ответил он, – когда намокает, всегда так пахнет.

– А зачем же ты её намочил? – спросила Маринка.

– Да не мочил я её. Вы, как ушли, нам холодно и скучно стало, вот мы и принялись толкаться и пихаться там у дороги. Устроили кучу-малу. Володька даже варежку свою потерял. Ну и меня всего в снегу изваляли. А потом мы вас пошли искать.

Тут только я обратил внимание на моток проволоки у него в руках. Один конец проволоки торчал из мотка и покачивался в воздухе, напоминая длинный, страшный коготь.

– А это тебе зачем? – спросил я.

– Не знаю... Это я там нашёл, при входе. Может, пригодится зачем. Вещь хорошая. – И он пристально посмотрел на меня, – только ты не подмыливайся, тебе не дам, так и знай!

– Да я и не подмыливаюсь! – воскликнул я, начиная о чём-то догадываться. – Скажи, тебя никто случайно во время битвы с ног не сбивал?

– Сбивал, – оживился Мишка, – но я его хрясть левой, а потом правой, а потом ещё левой! А ты откуда знаешь?

– Да так, со стороны видел... – промямлил я. – Вот только насчёт «хрясть левой» ты немного загибаешь...

Ребята смотрели на нас, не понимая в чём дело.

– Слушайте, а когда вы нас искали, в здание заводоуправления заходили? – опять спросил я у Олега и Мишки.

– Заходили, – удивлённо ответили они.

– И на крышу вылезали?

– Вылезали. Это Генка предложил, чтобы вас скорее увидеть.

– И что, увидели?

– Вас нет. Зато видели, как черти под луной бегали!

– Сам ты, «черти»! – обозлился я.

В этот момент появился Алик.

– Что вы тут лясы точите? – набросился он на нас. – Эти в заводоуправлении засели, а вы тут болтаете!

И только сейчас, заметив Олега и Мишку, он уставился на них как на привидения.

– О! А они что здесь делают? – удивился он.

– Ничего, нас выручают, – ответили мы.

– А вот в заводоуправление, если хотите, я один пойду и наверняка сам со всеми справлюсь, даже без вашей помощи – вдруг совершенно спокойно предложил я.

Мои друзья посмотрели на меня, как на умалишённого. А я настолько устал за этот вечер бояться и бегать по грязным закоулкам молокозавода, что небольшое путешествие в здание заводоуправления меня уже не могло напугать. Я вышел из гаража через калитку, не скрываясь дошёл до середины пути и остановился в самом центе снежного поля. Мне очень не хотелось ещё раз получить трубой или каким-нибудь стулом по башке, поэтому старался оставаться на свету, чтобы меня было хорошо видно.

– Володь! – крикнул я громко, и эхо разнесло мой крик по всему молокозаводу. – Выходи, не бойся – это я! Кстати, у меня твоя варежка. У тебя уж, поди, вся рука замёрзла!

Через некоторое время в здании заводоуправления послышалось какое-то шевеление, и в оконном проёме второго этажа появилась тёмная фигура. Я пригляделся повнимательнее и узнал Настю, девчонку из параллельного класса.

– Настюх! Где там Володька? – крикнул я. – У меня его варежка!

– А ты там один? – с явной опаской послышалось в ответ.

– Один. Выходите, не бойтесь, уже никого нет. Мы их всех победили.

Через некоторое время ребята с опаской вышли из здания заводоуправления, сзади меня показалась и компания из гаража. Они неуверенно шли навстречу друг другу.

– Вы только железками кидать не начните! – предупредил я. – Тем более, что я стою посредине.

Ребята встретились и с интересом стали рассматривать друг друга, как будто видели впервые.

– А где Памятник? – полушёпотом спросила Маринка.

– Памятник вот, – показал я на здоровенные зимние ботинки одного из ребят, из числа тех, кто оставался на дороге.

– А как же фигуры на крыше? – спросил кто-то.

– А вы увешайтесь трубами, палками, болтами, и в лунном свете ваши фигуры ещё пострашнее будут! – усмехнулся я.

– А как же живые тени, которых мы видели?

– А «живые тени», я так понимаю, были мы. Но не расстраивайтесь, вы нас тоже здорово напугали! – успокоил я их.

– А вон и знакомый глаз в темноте светится, – поддержал меня Алик. – Держу пари, что это какой-нибудь осколок стекла или что-то в этом роде.

– Да, как говорит русская пословица: «У страха глаза велики!» – подытожил Славик. – Хорошо ещё, что мы не переубивали здесь друг друга...

– Ой, ну и позора теперь на всю школу будет... – вздохнула Маринка.

– А чего «позору», – возразил я, – мы все условия выполнили! И даже все пошли на этот дурацкий молокозавод, да ещё по таким местам полазили, в которые нормальный человек сроду не сунулся бы. И даже нечисти не испугались. Правда, её тут и не было, но мы-то об этом не знали!

– Да уж, – хмыкнул Алик. – Ладно, надо к дому двигать, а то родные, наверное, уже весь город на уши поставили, нас ищут.

Мы двинулись обратно. Назад наша группа шла молча. И не потому, что нам было страшно, а потому, что так и не смогли понять: смелые мы или нет. А ещё каждый думал о том, что ждёт его дома. Во-первых, было уже очень поздно, а во-вторых, видок у нас получился: вся одежда мокрая, в грязи, в пыли, лица расцарапаны, шапки набекрень. У многих синяки и шишки. У Олега рукав пальто почти оторван. Вот увидел бы нас кто-нибудь в ночи в таком виде, точно перепугался бы насмерть: ни дать ни взять разбойники с большой дороги! Нам самим теперь впору было людей в районе молокозавода пугать.

С тех пор я хорошо понимаю, откуда берутся всякие страшные городские легенды!